

Проблема следования правилу в «Логико-философском Трактате»

В ранний период творчества, Людвиг Витгенштейн интересовали вопросы логического анализа языка, чему посвящен «Логико-философский трактат». Им предполагается, что «Мир есть совокупность фактов, а не предметов»¹. Этот тезис является началом витгенштейновской пересборки мира в плоскости идеализированного языка. Результатом этой работы является создание особой лингвистической реальности, определенной логическим пространством, которое включает в себя всю совокупность фактов мира, состоящих из «объектов сочетающихся определенным образом» и составляющих его содержание. В свою очередь факты находятся в проективном отношении к осмысленным предложениям, имеющим собственное место в логическом пространстве. Иными словами, предложения определенным образом структурируются. Известно, что последовательности пропозициональных знаков, образуемых предложениями, поддаются исчислению, согласно определенным правилам, подобно тому, как это пытались обосновать философы в Новое время. Здесь же Витгенштейном определяется связь мысли и предложения: «Мысль есть осмысленное предложение»². Таким образом можно предположить, что мысль, подобно предложениям должна подчиняться правилам.

Явным образом проблематика правила в «Трактате» почти не затрагивается. Но с некоторыми оговорками, имеется возможность «нащупать» таковые в этом тексте.

Главное, что говорится в «Трактате» относительно правил – это то, что они имеют скрытый характер. Для того, чтобы правило эффективно функционировало, необходима такая форма его существования, которая бы не была фактом мира, но было вынесено за его пределы или само являлось границей воспринимаемого мира. Если правила, которые влияют на человеческое поведение, вынесены в поле фактов, то оно становится непостоянным и вариативным: человек сам решает следовать ли ему или нет. Витгенштейн же интересуют правила, которые не несут на себе вариативного характера, но выверены логической сущностью и предназначаются для определения субъективности человека. Именно поэтому подобные регуляторы не могут быть фактами мира, и вынужденно находятся на границе или за пределами мира.

В таком контексте, правила становятся весьма важным феноменом человеческой жизни, упорядочивающим ее посредством языковых и мыслительных практик. Происходит это посредством того, что логическое пространство, подчиненное своим внутренним законам, опосредованно изоморфно миру фактов, то есть при переносе правил из логического пространства в фактическое, структура правил сохраняются. А это значит, что сохраняется и их устанавливающая способность. Иными словами, «правила» раннего Витгенштейна, вместе с этикой и аксиологией, должны были бы полностью детерминировать деятельность людей, превращаясь в логическую машину, предполагающую все возможные действия человека, которые могут быть просчитаны и где не остается места произволу последнего. Однако подобного не происходит в силу того, что человеческая субъективность является точкой соединения логически-необходимого и фактического. Человек наделен способностью структурировать, согласно невыразимым правилам, свое знание о мире, благодаря чему наделен возможностью самостоятельно определять свое положение в нем. То есть, правила, что появляются в «Трактате», через жесткую детерминацию возможностей восприятия мира, очерчивают

---

¹ *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. М.: Канон+, РООИ Реабилитация». 2008. С.36

² Там же. С. 72

область его возможных действий, тем не менее составляют условие возможности реализации его субъективной свободы.